

тия Октября, о его усилиях в создании Союза пролетарских революционных писателей Германии в 1928 году. Вместе со своими соратниками по пролетарскому литературному фронту — Э. Э. Кишем, Б. Ласк, К. Грюнбергом и др. — Бехер при выработке программных и организационных принципов немецкого пролетарского писательского союза опирался на руководящие документы советской пролетарской литературы, в частности на материалы первого съезда ВАПП, состоявшегося в 1928 году, и в первую очередь на принятую им основную резолюцию «Культурная революция и современная литература».

Как председатель Союза пролетарских революционных писателей Германии и член Международного бюро революционной литературы (МБРА), Бехер поддерживал систематическую и живую связь с центром международного революционного движения в Москве. Э. Вайс подробно рассказывает о втором приезде Бехера в нашу страну в 1929 году, об его активном участии в подготовке и работе II Международной конференции революционных писателей, состоявшейся в ноябре 1930 года в Харькове. Бехер выступил на ней с одним из главных докладов — «Военная опасность и задачи революционных писателей». Хотя развернувшаяся на конференции дискуссия не смогла дать исчерпывающего, а во многих случаях и верного ответа на ряд актуальных теоретических вопросов пролетарского литературного движения, Харьковская конференция продемонстрировала значительное для того времени углубление теоретической мысли революционных писателей.

Решения Харьковской конференции и статьи, систематически печатавшиеся на протяжении 1929—1932 годов в «Правде» и содержавшие глубокую и принципиальную критику ошибок РАППа, указывает Э. Вайс, приобрели особое значение для Бехера при выработке программы Союза пролетарских революционных писателей Германии, развернувшейся в 1931 году. История этого программного документа сама по себе весьма поучительна. Публикуемые в книге Эдгара Вайса материалы дают четкое представление о принципиальной позиции Бехера, возглавлявшего тогда руководство коммунистической фракции Союза. Проект был обсужден и отвергнут из-за содержащихся в нем серьезных «ультралевых» и сектантских ошибок. Руководству Союза оказали большую помощь советские писатели из секретариата МОРПа, направив немецким друзьям свое «Заключение о проекте программы Союза пролетарских революционных писателей Германии». Это «Заключение» характеризуется Э. Вайсом как «замечательный документ советской литературной политики и советской литературной теории».

Монография Э. Вайса, исследующая многолетние связи немецкого поэта с Советским Союзом, показывает в новом свете роль советской литературы в формировании социалистической литературы в Германии.

П. БИРКАН

НОВЫЙ РОМАН МАРТИНА ВАЛЬЗЕРА

Martin Walser. Die Gallistl'sche Krankheit. Roman. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1972.

Мартин Вальзер — это имя для советского читателя и не новое и новое. Не новое — потому что ни один обзор крупных и прогрессивных явлений литературы ФРГ не пройдет мимо пьес, рассказов, публицистики этого талантливого писателя. Новое — в сущности, и этого не сказать нельзя, потому что произведения Вальзера до сих пор не увидели свет в нашей печати. А между тем беспощадность анализа благопристойного бытия буржуазных и интеллигентских кругов ФРГ, ненависть и обостренное чутье ко всем проявлениям пережитков фашистского прошлого — все это делает сатиру Вальзера общественно значимой и политически острой. Однако безудержный максимализм критики порою доходит в произведениях Вальзера до той горькой безнадежности, которая в сложных перипетиях политической жизни наших дней может повести и в сторону некоего «всеотрицания».

Новый роман Мартина Вальзера «Болезнь Галлистя» (заглавие дано словно наименование болезни — как, скажем, по аналогии «болезнь Миньера») — это почти геометрический чертеж (особенно в первых двух главах) полного отчуждения человека — буржуазного интеллигента — в своем обществе и окружении. Работа? Но из монологов Галлистя нельзя даже понять, в чем состоит эта ненавистная ему работа ради заработка. Как будто тут и неудачные литературные попытки, и кино, и еще что-то. Однако неизменно одно — остротенное, «абсурдистское» восприятие любой формы предлагаемой деятельности. Семья? Но где-то возле него, мешая, как несносный придаток, возникает тень — его жена Мими. Еще есть в качестве лишней, противной и шумной помехи — дети; сколько их — не известно, как их зовут — тоже. Из общего «видового» понятия «дети» выделена лишь одна — безымянная тринадцатилетняя дочь, и то потому, что она вновь и вновь — сто, тысячу, десять тысяч раз — бьет мячиком в стенку комнаты Галлистя.

К середине повествования выясняется, так сказать между прочим, что Мими приходится нелегко — ведь сам Иозеф Георг Галлистя работать перестал, и жена день и ночь стучит на машинке, тащит все домашние тяготы, чтобы прокормить мужа и детей. Но самое страшное в этом отчужденном мире — это «дружба», круг друзей Галлистя. Их шесть: они безымянны — обозначены лишь буквами алфавита: А, Б, В, Г, Д, Е. Он, Галлистя, седьмой. Профессии друзей, их увлечения опять-таки даны в ракурсе абсурда — это смесь бреда и «остраненной» обывательщины.

А — вообще работает лишь для вида: он женился на богатой, Б — банковский служа-

щий, В — химик, Г — вероятно — писатель, Д — трубач, Е — работник телевидения. Впрочем, все они как бы не прикреплены к своим профессиям; так, трубач Д собирается стать тренером по футболу, а В — директор банковского филиала в каком-то захолустье, занят в основном тренировкой команды гимнасток.

О формах общения «друзей» может дать понятие, например, такой отрывок: В вступает в беседу и говорит, что в прошлом году он заработал 52 000 марок. Мими тотчас выражает по этому поводу восхищение столь идиотское, что оно действует В на нервы. Поэтому он о ней больше и думать не будет. «Более того, я почувствовал, что теперь он начнет ее по-настоящему презирать. Я попробовал это ей объяснить, когда он ушел. А она утверждала, что я просто хочу ее восстановить против В».

В — угнетает всех ужасами химии. Д — жестоко страдает от этой назойливости В. У Г — есть еще фруктовый сад, в Герресгейме.

Глава о друзьях называется в романе «Симбиоз» — название неточное: симбиоз, например, рака-отшельника и актинии, акулы и рыбки-лоцмана основан на взаимной пользе, а здесь? Галлисль и сам справедливо говорит о том, что только глубокое равнодушие семерых друг к другу держит их связь, которая иначе бы распалась от давления той взаимной неприязни, вражды, отвращения, которые спят под равнодушием. «Болезнь Галлисля» — распад личности, зыбкость, отчуждение — прогрессирует от главы к главе. В какую-то минуту герой вдруг — даже внешне, чертами лица — начинает превращаться в А, и лишь свидание и абсурдный разговор с «другом» возвращают ему его лицо.

Затем следует «Заострение» — так названа глава, — почва реальности уходит из-под ног больного. В повествование вступают «не сны, не явь» — фантастическое; но в фантастике этой отражается, как «концент-

рат», «иероглиф», и сущность, и детали отчужденного существования. Вот он, Иозеф Георг Галлисль, ползет через необъятное болото нечистот, только бы оберечь глаза и рот — ведь когда он подымает голову, тотчас же кто-то наносит ему жестокий удар по затылку. Вот непрерывные мысли о себе с катастрофической быстротой и точностью мчатся к мысли о смерти, к видению гроба. Галлисль пытается задержать их бег воспоминаниями о матери, но тут память о матери патологически сливается с мыслью о смерти, с образами гроба, разложения.

«Но, к счастью, — говорит Галлисль, — я уже чую трещину. Тут не может быть ошибки. Но мне кажется, что по мне еще ничего не заметно. Следовательно, каждый мог бы носить в себе такой же порок. Значит, мой порок не так уж велик по сравнению с другими возможными. Если же действительно все страдают моим пороком — что несколько невероятно, — тогда горе тебе, вселенная. Тогда, в определенный и не такой уже далекий день, ты вдруг сгниешь и распадешься. И тогда — через недолгий срок, — в рассветный час апрельского дня — будут корчиться два миллиарда человек и ни один не сможет помочь другому, самое большее — они бросят друг другу взгляд, как на старых изображениях всемирного потопа: сердечный и полный боли взгляд, а затем будет бред, боль и дрожь. Ах, эта дурацкая дрожь — она больше всего меня раздражает».

Апрельские сумерки, дрожь — это реальность, на которую накладывается апокалипсическая фантастика, и вдруг — точно прокричал петух и отступает нечисть — на лестнице в доме, где «как труп» лежал Иозеф Георг Галлисль, слышны шаги: это идут те, кого с радостью и надеждой приветствует хозяин — «задержанный» покойник, «высвистанный с того света труп», привидение. Но их — полных желания спасти, полных энергии — вызвал все-таки он сам.

Эта, так сказать, спасательная команда — коммунисты, не страшные его «друзья» — а люди из другого мира, товарищи, чей мир, очевидно, уже когда-то приоткрылся «отчужденному» интеллигенту.

С их появлением по существу постепенно начинает изменяться все. Во-первых, каждый из них — не буква, не цифра, а человек с нормальным именем, фамилией, биографией, характером, профессией. Более того, с их появлением получает лицо и имя и жена Галлисля — Марианна, и его дочери — Ангела и Юдит. Все постепенно становится нормальным — общение, споры, воспоминания.

«Команда» — это Панкрац Пуденц, самый крепкий и надежный. Это — Квалисто Квейрос, Руди Россилауль, Сильвио Шмон и Таня Тишбейн. Каждому дана характеристика, о каждом рассказана история знакомства, и с каждым идет спор — и утверждения и

убеждения каждого комментируются в ироническом ключе.

Оценивая эти споры, следует помнить, что коммунисты даны «глазами» запутавшегося интеллигента и утверждения их интерпретированы им же.

Человек моего возраста не может сдерживать улыбки — так похожа ребяческая «фронда» Галлистья против марксизма, диктатуры пролетариата, партийной дисциплины на аналогичные сомнения и возражения честных, но полных предрассудков и «клишированных» представлений русских интеллигентов в первые годы существования советской власти.

Нет, и дурацкое «психологическое» и «фрейдистское» истолкование причин «классовой борьбы», которые конструирует Галлистья, и повторение реакционных и ренегатских домыслов о том, что коммунизм — это, так сказать, «импортный», московский товар, и подтрунивание над «религиозной» (в представлении Галлистья) верностью всех товарищей делу Ленина, партии, марксизму — все это не отменяет основного: того, что с этими людьми, при всей «фронде», для Галлистья неразрывно связано понятие жизни, честности, естественной человечности. И вместе с ними в сознание «больного» и в роман входит понятие будущего («Когда-нибудь будет», «Es wird einmal» — называется последняя глава).

И кончается роман вновь обретенными (или рожденными) отношениями с женой Марианной и прибытием Панкраца, который сейчас увезет супругов на своей ржавой, корявой, еле живой машине: «Ты куда же повезешь нас, Панкрац? Панкрац смеется. Это в «его духе».

Я думаю, что несмотря на «глубокие сомнения» и «гамлетовские вопросы», возникающие в сознании героя, на глуповатую «критику марксизма», все же объективно в романе дан точный адрес будущего в лице самых подлинных защитников будущего родной страны писателя.

Е. КНИПОВИЧ

ПРОВАЛИВШЕЕСЯ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Nanni Balestrini. *Vogliamo tutto*. Milano, Feltrinelli, 1971.

Еще совсем недавно Нанни Балестрини, один из самых шумных лидеров итальянской неоавангардистской «Группы-63», проповедовал необходимость «взрыва языка» как средства борьбы против буржуазности, утверждал особую важность поэзии, начисто лишённой коммуникативной функции, писал такие, к примеру, стихи:

И при этих словах (на первом плане
мир вокруг молчал мир перед ним
молчал
чтоб сделать его аморфным
манипулируя мозаикой и
набросками)
Красная и плотная (если глядеть снизу)
Зрители другого не увидели
В животе наполненном снегом
зажгли все огни

К этому произведению — мы процитировали «Фрагмент А²» из поэмы Балестрини «Повисший камень» — сам автор сочинил «Инструкцию по употреблению», в которой смысл его прояснен в следующих выражениях: «Неопределенность фрагментов рождается из напряжения, возникающего между словами (слова эти четки и точны, но синтаксически подвешены в воздухе)».

От стихов, подобных приведенным нами, Балестрини в последний период своей неоэкспериментальной деятельности перешел к использованию электронных машин, в которые «закладывал» тексты самых различных жанров и эпох, добываясь путем их механического перемешивания все более высоких степеней абсурда.

Но «Группа-63», эстетические позиции которой мы не раз подвергали кригическому анализу, скончалась; мода сменилась, издатели косо стали поглядывать на электронные стихи, и вот с самим Балестрини произошло удивительное перевоплощение. Он стал «революционером», и не просто революционером, а сторонником крайней левацко-экстремистской группы «Потере операйо» («Рабочая власть»). В конце 1971 года он выпустил свой сенсационный роман «Мы хотим всего», опубликованный издательством «Фельтринелли».

В этой книге — романом мы называем ее весьма условно: в сущности, речь идет об анархистской брошюре, стилизованной под роман, — интересны отнюдь не ее художественные достоинства. Отметим, однако, что Нанни Балестрини начисто отказался в нем от своих прежних эстетических установок. Здесь и речи нет о разрыве коммуникабельности, о взрывах лингвистических структур; роман написан серым языком штампованных левацких газетенок и журналов того же толка, выходящих весьма незначительным тиражом.

В уста молодого сицилийца, переселившегося на север Италии, чтобы стать неквалифицированным рабочим, вложен перечень этих штампованных лозунгов. На двенадцати страницах романа молодой, почти не имеющий образования парень вынужден пересказывать путаную, состоящую из надерганных отовсюду лозунгов, ложную и опасную по своей сути программу экстремистской группы «Потере операйо», схожую с программами других псевдореволюционных и маоистских группировок. Приемы вполне традиционной беллетристики повествования, которыми пользуется Балестрини, на наш взгляд, просто беспомощны.

В высшей степени важно, однако, разобраться в ложных идеологических и политических концепциях, как бы сконцентрированных на страницах этой книги с предельной откровенностью. И здесь нас не могут и не должны смущать ни показное стремление автора и тех интеллигентских анархистских группировок, взгляды которых он выражает, к «сближению» с рабочим классом, ни информационная верность отдельных сообщаемых автором фактов.

Не о «сближении» речь — Балестрини хо-